

Искушение

Автор:

Сергей Михайлов

Искушение

Сергей Георгиевич Михайлов

Это своего рода парафраз, вольная вариация на библейскую тему предательства Иуды. Древнее Ирийское царство. Адус (в котором без труда угадывается Иуда) совершает страшное деяние и предаёт Учителя в руки врагов. И теперь великое смятение терзает его: благое ли дело он совершил? Ведь Адус искренне верит Учителю, он – единственный из учеников, кто безгранично предан ему. И единственный, кто помнит обещание Учителя воскреснуть на третий день после смерти. И теперь он должен сделать всё, чтобы пророчество сбылось. Даже ценой собственной жизни. (В оформлении обложки использовано изображение фрагмента картины «Иуда». Автор И.Е. Репин, 1885).

...некоторые презрительно, другие с ненавистью и страхом говорили:

– Смотрите: это Иуда Предатель!

Леонид Андреев, «Иуда Искарот»

...и познаете истину, и истина сделает вас свободными.

Иоанн 8:32

1.

Тридцать монет жгли ладонь, словно раскалённые угли. И не было сил избавиться от них, не было никакой возможности забыть об этих терзающих душу, гнетущих разум металлических кругляшках – платы за предательство. Словно вросли они в загрубевшую кожу Адуса, превратились в неотъемлемую часть его существа, внося в сознание смятение, отчаяние и боль нестерпимую. Подобно ноше тяжёлой навалилось на плечи его свершённое деяние – он шёл сгорбившись, медленно перебирая ногами и ничего не видя вокруг.

Было около восьми часов вечера. Чёрная луна, дерзко посягнувшая на всевластье дневного светила, держала его в плену, не давая бросить последний, багрово-красный предзакатный луч на замерший в оцепенении Священный Город; ночь объяла землю внезапно, на два часа раньше природой отпущенного срока – виной тому было затмение, вызвавшее смятение и панику у суеверных горожан и тревогу у бесстрашных покорителей мира – воинов Императора.

Город опустел. Лишь бездомные нищие да пришлые бродяги жались по подворотням в поисках укрытия от гнева Господня, обрушившего на царство Ирийское беспросветный мрак, не дающий тени, песчаную бурю, в одночасье рвущую соломенные кровли с глинобитных лачуг, словно плоды спелые с персиковых деревьев, – и власть холодной ночной пустыни. Пустыня ворвалась в Священный Город и, подобно властительнице полноправной, вылизывала теперь шершавыми своими языками узкие кривые улочки, обильно посыпая их затем голубым песком. Обезумевшие выли псы.

Был бы меч, он отсёк бы кисть, судорожно сжимающую проклятые монеты. Не помнил он, как взял эти жалкие деньги; ненавистное лицо Верховного Жреца надвинулось на него, словно из небытия, иссиня-чёрная борода нависла над ним, огромные, немигающие, навывкате глаза буравили его мозг, цепенеть заставляя и собственной лишая воли – очнулся он лишь за воротами дворца, уже с монетами в руке. Дело было сделано, расчёт произведён.

Порой казалось ему, что пальцы сжимают остывающее сердце Учителя – тёмная кровь тогда струилась с ладони его, на пыльной дороге страшные, не имеющие дна, чёрные оставляя проплешины.

Дорога вывела его к городскому базару. Ветер буйствовал здесь с особой силой, упиваясь своею безнаказанностью и неограниченной властью. Нищие, стекающиеся сюда едва ли не со всего города, затравленно смотрели на него из-под опрокинутых телег, низких настилов и тёмных зевов многочисленных базарных тупиков. Словно волчьи, светились из мрака глаза их – десятки, сотни враждебных глаз.

Безногий калека не успел увернуться с пути его и теперь беспомощно, скаля беззубую пасть, барахтался в пыли. Адус остановился.

– На, возьми! – чуть слышно произнёс он, протягивая монеты. Деньги аккуратной горкой лежали на ладони его, ловя из бездны космоса невидимый свет и отражая его мутно-красными бликами.

– Убийца! – прокаркал нищий и, подняв облако густой пыли, змеёй уполз во мрак подворотни. Песок захрустел на зубах Адуса, когда в немом отчаянии он стиснул их.

Холодный очаг ждал его на самой окраине Священного Города. Он жил один – ни жены, ни детей не было у него. Хотелось поскорее укрыться от множества взоров, коими, словно невидимыми огненными нитями, пронизана была наступающая ночь. Сам воздух теперь насытился гневными, негодующими, лишёнными плоти и источника, воплями.

– Доносчик! – упало на него сверху, из бездны, чьё-то дыхание.

– Предатель! – пропел у самого уха песчаный вихрь.

– Убийца! – обжёг чей-то неистовый шепот.

Он шёл, закрыв глаза, лишь внутреннему подчиняясь зову, который вёл его сквозь затаившийся город, словно поводырь. Откуда-то спереди донёсся приближающийся стук деревянной палки о булыжную мостовую. Адус открыл глаза.

Слепец!

Это был старый, тощий бродяга, едва защищённый от бури полуистлевшими лохмотьями и ощупывающий дорогу длинным сучковатым посохом. Две глубокие впадины зияли на месте глаз его.

Адус бросился ему навстречу.

– Возьми деньги, путник! – крикнул он и вложил порывисто в трясущуюся костлявую руку слепца горсть монет ненавистных.

Слепец остановился, прислушиваясь.

– Да спасёт тебя Бог, добрый человек, – донёсся до Адуса чуть слышный, подобный вздоху, голос.

Стремительной тенью бросился Адус прочь. Пуста была ладонь – но след от монет всё ещё жёг её.

– Будь проклят ты, сын дьявола! – возопил слепец голосом страшным. – Я узнал тебя!

Словно наткнувшись на невидимую преграду, обернулся Адус. Костлявая рука, принявшая подаяние, пылала, подобно факелу, в мутном сумраке надвигающейся ночи. Отблеск неземного пламени вырывал из мрака искажённое страхом и ужасом суеверным, изборождённое вдруг резко обозначившимися морщинами, незрячее лицо старика. Густая чёрная кровь сочилась из потрескавшейся кожи и каплями огненными падала на тлеющие лохмотья.

– Убийца!! – пронёсся вдоль улицы яростный, страдания и боли исполненный, стон.

Адус кинулся бежать. Ладонь вновь вдруг липкими, ещё горячими, наполнилась монетами. И тогда понял он, что обречён носить их вечно – до скончания жизни.

Псы выли при приближении его и опрометью бросались в сторону, словно чувствуя холод могильный, веявший от окаменевшего его сердца.

– Предатель... – снова услышал он приглушённый рёвом бури голос – человеческий голос.

Мелькнула тень, закутанная в плащ. Мимолётным было видение, почти мгновенным, и вполне могло сойти за наваждение, рождённое бурей, – но Адус узнал его.

Это был Вифокур, один из Двенадцати.

2.

Свинцовые тучи разверзлись, обнажив чёрную бездну космоса, звёзд лишённую, с мертвенно-бледным овалом холодной луны. По измученной бурей земле гигантские поползли тени, настигая и пожирая друг друга. Ветер внезапно иссяк – мир объяло безмолвие, тишина и призрачный покой.

Лобное место, исконное место казни ирийских преступников, пологим холмом вздымалось посреди пустыни, бесплодной и каменистой. Пыльная дорога, истоптанная сотнями и тысячами ног, вела к нему от Священного Города. Холм окружало кольцо из двух-трёх десятков костров, у которых грелись нищие, бродяги и просто любопытные, поистине животное испытывающие удовольствие при виде страданий несчастных казнённых. Были среди них и такие, кто пришёл сюда тайно проститься с осуждённым, – но было таких немного: страх перед наказанием гнал их прочь от этого страшного места.

Холодный лунный свет отвесно падал на три виселицы, чуть заметной дугой стоящие на самой макушке холма. Их было трое – два вора и Учитель. Приговор привели в исполнение около трёх часов назад, но лишь сейчас мучения их достигли кульминации. Пятнадцать-двадцать минут – и всё будет кончено. Для всех троих. Это были не простые виселицы, а изощрённые орудия пыток, рождённые гением безвестного садиста-изувера. Со свободного конца горизонтальной перекладины свисал огромный бронзовый крюк, на который за руки цеплялся повешенный осуждённый: грубая верёвка, несколько раз обмотанная вокруг туго стянутых вместе кистей, надёжно крепилась к крюку. Казнённый висел, вытянутый в струну, с поднятыми вверх руками. К ногам его привязан был гигантский камень, который покоился на деревянном щите. Прямо

под перекладной вырыт был колодец, по форме совпадающий с очертаниями щита. В начальный период казни колодец доверху заполнялся водой; щит свободно лежал на её поверхности. Верёвка, связующая камень с ногами осуждённого, безвольными кольцами покоилась на щите. Не более локтя отделяло пятки повешенного от поверхности камня. Специальная система подземных водных коммуникаций позволяла заполнять колодец водой либо опорожнять его. Смысл экзекуции заключался в следующем: в течение нескольких часов уровень воды в колодце медленно падал, деревянный щит с камнем опускался, верёвка, привязанная к ногам осуждённого, натягивалась; в конце концов наступал момент, когда вода из колодца уходила совсем, щит опускался на дно, а гигантский камень, в несколько тонн весом, потеряв опору, оказывался в подвешенном положении – тело несчастного осуждённого, не в состоянии выдержать страшной нагрузки, разрывалось пополам.

На самой вершине холма, у подножия трёх виселиц, горел костёр. Четверо стражников, поставленные охранять казнённых, грелись у огня. Сотник, самый старший из них, придирчиво разглядывал длинный хитон и качал недовольно головой. Хитон был старый, поношенный, в заплатках. Остальные трое, кутаясь в плащи, с нетерпением ждали его решения.

– Я беру его себе, – наконец заявил сотник, окидывая их упрямым взглядом.

– Это несправедливо, Фал! – вскочил самый молодой из стражников, подогретый изрядной дозой мутного дешёвого вина. – Спор должен решить жребий!

– Я беру его себе! – с вызовом повторил сотник, опуская ладонь на рукоять меча.

– Ты не должен так поступать, Фал, – заметил третий стражник, вороша тростью пылающие угли. – Делёж должен быть честным. Кинем жребий.

На фоне ночного светила, словно немой укор алчным палачам, чётко обозначились очертания средней виселицы – той, где доживал последние свои минуты Учитель. Старый хитон, ставший причиной спора, принадлежал ему.

– Кинем жребий, – заявил четвёртый стражник, могучий воин с торсом быка и головой, подобной пивному бочонку. Поднявшись, с громким хрустом расправил он затёкшие плечи. – Справедливость превыше всего.

Фал, старый воин Императора, с глубоким шрамом на правой щеке, делавшим свирепое его лицо уродливо-безобразным, процедил зловеще сквозь зубы:

– Я подчиняюсь воле большинства, – презрительным жестом сотник отшвырнул от себя хитон, – но счёт наш не закрыт. Запомните это – вы, трое!

Стражники слишком были увлечены предстоящим розыгрышем добычи, чтобы всерьёз воспринимать угрозы сотника. Серебряная монета с изображением профиля Императора несколько раз взметнулась вверх – и, наконец, решила спор в пользу одного из них. Счастливец оказался третий стражник.

– Ставлю на кон всё своё барахло против твоего хитона, – заявил второй стражник – тот, что первым осмелился выступить против сотника, и выдвинул в центр круга, образованного сидящими, груды ветхого тряпья, снятого им накануне с одного из преступников.

– Идёт!

– Возьмите меня в долю, – присоединился к ним четвёртый стражник.

Уродливый Фал двинул своё тряпье в общую кучу, выражая тем самым молчаливое согласие принять участие в предстоящей игре. Гордость не позволяла ему заявить об своём желании во всеуслышанье.

Метнули кости, потом ещё раз, и ещё, и ещё... От одного владельца хитон переходил к другому, пока, наконец, Фал, в третий раз завладевший им, не заявил о своём намерении выйти из игры. Спорить никто не посмел.

Преступник, справа от Учителя висевший, был небольшого роста – ему надлежало умереть первым. Было около девяти часов вечера. Молча сносили все трое свои страдания, теряя порой сознание и вновь возвращаясь к безысходной действительности. Мысли их витали далеко отсюда, грёзы перемежались с реальностью, бред и явь сливались в одно – лишь один Учитель сохранял ясность духа и твёрдо смотрел миру в лицо.

Вода медленно уходила из-под ног, унося с собой их жизни. Они висели уже почти три часа. Руки онемели, плечевые суставы были неестественно вывернуты

и страшно болели, ноги распухли и отекли от прилившей к ним крови. Но камни всё ещё покоились на щитах – самое ужасное ждало их впереди.

Слабый порыв ветра донёс до ушей стражников топот босых ног. На холм поднималось около двух дюжин бродяг.

– Я прогоню этих оборванцев! – вскочил самый молодой стражник, но Фал удержал его властным жестом.

– Оставь их в покое, Клет! Этот сброд в своём праве – так пусть насладится кончиной троих негодяев. Ждать осталось недолго.

Бродяги обступили виселицу Учителя и, приплясывая, стали смеяться над ним.

– Яви нам чудо, пророк! – вопили они, кривляясь и понося его бранными словами.

– Сделай камень лёгким, как воздух!

– Спаси себя!..

Но не отвечал Учитель на их издёвки, пребывая выше мелочной суеты этих глупых людей. Зла на них он не держал – глупость нуждается лишь в сочувствии и сожалении.

– Чудо, пророк! Тогда мы поверим в тебя!

Запёкшиеся губы Учителя едва заметно шевельнулись.

– Разве не чудо, что я здесь, среди вас? – прошептал он. – Какого чуда вам надо ещё?

– Ха-ха-ха! – загоготали бродяги. – Воистину, ты великий чудотворец!

Истошный крик прервал их насмешки. Один из преступников – тот, что был меньше всех ростом, – прощался с жизнью. Верёвка, к которой привязан был страшный груз, натянулась, гладкий, обточенный ветрами и дождями камень

слегка шевельнулся – и снова замер. Тело несчастного стало вытягиваться буквально на глазах, превращаясь в тугую струну. Хрустнули кости, конвульсивно задёргалась голова. Он не кричал – он выл, выл по-звериному, истошно, страшно, далеко запрокинув голову и дико выпучив обезумевшие от боли глаза. В одно мгновение тело покрылось яркой сетью лопнувших кровеносных сосудов, из горла хлынула кровь. Рвались внутренние органы, словно резиновые неимоверно вытягивались сухожилия – и, не выдерживая нагрузки, лопались. Он был слишком силён, этот несчастный, чтобы погибнуть мгновенно – некогда крепкие мышцы, плотно скроенное тело, всё его существо сопротивлялось насилию, продлевая и увеличивая страдания на лишнюю минуту, может быть – две, не более. Но какие это были минуты!.. Он больше не выл; хриплый, булькающий, свистящий клёкот судорожно, с неравными интервалами, вырывался из раздавленной грудной клетки.

– Живуч, собака, – выругался сотник Фал, сплюнув в костёр, и отвернулся. Ни жалости, ни сочувствия, ни даже простого интереса в тоне его не было – давно уже привык он к подобным зрелищам.

Даже бродяги притихли, присмирели и, словно замороженные, смотрели на мучения осуждённого. Второй преступник, тот, что висел слева от Учителя, лишился чувств – сознание грядущей участи, ставшей вдруг неоспоримой реальностью, сломило его дух. И лишь Учитель сносил страдания стойко – как собственные свои, так и собратьев по казни.

Треск разрываемой плоти, хруст ломающихся костей, чей-то истерический хохот... Тело ещё живого, но обезумевшего уже преступника, расчленённое пополам, гигантским камнем влекомое, тяжело, глухо ухнуло вниз на деревянный щит. Раздался всплеск. Верхняя часть туловища – с руками, головой и грудной клеткой – осталась висеть на бронзовом крюке. Он всё ещё хрипел – но это была уже даже не агония, это была некая жизненная инерция, подобная той, которая заставляет судорожно сжиматься отрубленные лапки сороконожки. Всё было кончено.

– Один готов, – спокойно возвестил сотник Фал и прильнул к вместительному бурдюку с молодым вином. – Ставлю два против одного, что вторым будет пророк.

Никто не принял вызова сотника: опытный глаз старого воина никогда не подводил его – это знали все.

Настал черёд Учителя.

У центральной виселицы появились три женщины, закутанные в пледы, и стройный юноша с пылающим взором. Женщины рыдали, юноша же, стиснув зубы, смотрел в глаза Учителю молча.

– Наон, – тихо прошептал Учитель, едва ворочая распухшим языком, – мои минуты сочтены. Я ухожу из жизни, покидаю этот грешный мир – но я ещё вернусь...

– Учитель! – воскликнул Наон, принимая слова осуждённого за бред. – Скажи только слово – и я спасу тебя! Одно слово!

Он распахнул плащ. На поясе его висел короткий меч.

– Разве нуждается в спасении тот, кто сам пришёл спасти? – снова зашептал Учитель. – Нет, брат мой, спасение нужно не мне – спасение нужно миру, погрязшему в грехе, пороке и неверии... Подойди ближе, Наон, мне трудно говорить...

Юноша приблизился вплотную к виселице.

– Прими заботу о матери моей, брат, она одинока и несчастна. Вверяю её тебе, Наон. Все бросили меня, – воспалённые губы его чуть заметная тронула усмешка, – но я не виню их за трусость и малодушие – они ведь люди. Ты, мой самый любимый ученик, единственный пришёл проститься со мной. Благодарю тебя.

Наон смахнул случайно набежавшую слезу.

– Учитель!..

– Не оставляй пути, на который наставил вас Господь, – это путь истины и света. Я хочу, чтобы ты жил долго, Наон, очень долго – твоя жизнь нужна людям.

– А твоя, Учитель? Разве твоя жизнь на ценнее моей? – чуть не плача, воскликнул ученик.

– Не в жизни моей, а в смерти моей нуждаются люди, ибо смерть моя спасёт их от греха.

Он застонал: верёвка, стягивающая ноги его, натянулась. Кровавый пот выступил на лбу Учителя.

– Это конец, Наон, – теряя сознание, зашептал он. – Иди с миром и помни обо мне... Мама!..

Одна из женщин бросилась к виселице и упала на колени.

– Сын мой! – крикнула она срывающимся голосом. – Не уходи, останься...

– Я вернусь, мама... прощай... О!..

Вода медленно уходила из-под ног его. Камень, неподвижно на деревянном щите лежащий, вдруг шевельнулся, словно разбуженный, и заворчал глухо.

– Прощай, мама...

Уже захрустели кости, заскрипели путы, затрещала старая, уродливая, дождями изъеденная и солнцем иссушенная, виселица...

Наон выхватил меч.

– Я спасу тебя, Учитель! – исступлённо закричал он.

– Нет, брат...

Словно из-под земли, у виселицы вырос сотник Фал. Ловким ударом вышиб он меч из руки юноши и, оскалив зубы, с холодной яростью произнёс:

– Ты поднял руку на воинов императора! Ты подлежишь смерти, раб!.. Возьмите его, солдаты!

Трое стражников кинулись к отчаянному юноше, но тот, отпрыгнув в сторону, бросился бежать. Тьма вмиг поглотила его, и лишь крик, далёкий, долгий, полный страдания и горя, донёсся до вершины холма:

– Прощай, Учитель!..

Но Учитель больше не слышал его – последний его призыв был обращён к Богу.

3.

«Способны ли они на содеянное мною?»

Вряд ли.

Алкомор, прозванный Камнем – уж не в насмешку ли нарёк его так Учитель?! Алкомор, благочестивый, величественный, могучий Алкомор, сидящий всегда справа от Учителя и ревниво оберегающий это своё право – быть первым; глотающий на лету каждое слово его, но ничего не слышащий, преданно ловящий каждый взгляд его и – как жаль, что он лишён хвоста? – готовый вилять им и день и ночь, – ну чем не верный, послушный пёс! Но без хозяина ничто он – и первым бросается наутёк при приближении голодного льва. Алкомор, этот «каменный» Алкомор, трижды за прошедшую ночь отрёкшийся от Учителя – достоин ли он чего-либо ещё, кроме презрения? Он ли не предатель, низкий, подлый, дрожащий за свою благородную шкуру?!

Или Близнец, с его вечной подозрительностью? Трусливый, как шакал, питающийся падалью, он в каждом видит шпиона жрецов либо тайного осведомителя Наместника, а рука его никогда не расстаётся с рукоятью спрятанного за поясом кинжала. Он не верит даже себе – что же говорить об Учителе, над словами которого он просто смеётся!

Или этот грамотей Зарох – он ли способен на великое? Обученный грамоте в бытность свою сборщиком податей, целыми днями теперь записывает проповеди Учителя, дабы след в истории оставить – уж не свой ли?

Странной, бесшумной тенью, словно призрак, облачённый во всё чёрное, всегда появляющийся незаметно – Вифокур. Ему ли под силу тяжкий груз? Нет, его удел – всегда быть тенью и избегать прямых схваток с врагом. Даже если этот враг – собственная совесть.

Наон... О, отчаянный юнец заметно отличается от всей этой трусливой своры «верных» учеников: он и его брат Теразар – недаром их прозвали Подобными Грому. Да, Наон пылок, храбр и отважен – но он глуп, как сотня каменных истуканов, и злобен, словно стая диких волков. Да, он предан Учителю – но предан руками, не головой. Нет, ему не дано понять замысла Божьего...

Остальные? Остальные – всего лишь бледные тени этих шести, не более. Что известно мне о них, кроме имён? Почти ничего. А ведь Учитель сам выбирал себе учеников – сам! Какую цель преследовал он, когда взор его из толпы жадных до крамолы, но боязливых слушателей выхватывал того или иного простолюдина? «Следуй за мной», – говорил Учитель, и тот покорно, словно лишившись воли, подчинялся. А я?..

Я тоже пошёл за ним. Да и мог ли не пойти, обласканный смиренным, всезнающим взором, обещавшим спасение и зовущим на великий подвиг?..

Подвиг! вот имя тому, в чём меня обвиняют! И он знает об этом. Или всё-таки нет?..

Кто я такой? Бедный, нищий казначей, таскающий этот деревянный ящик с кучкой медяков вслед за ним – за тем, кто позвал меня. Меня не любят, порой даже ненавидят, не раз ловил я на себе яростные взгляды безумца Наона, и не раз рука его судорожно сжималась в поисках кинжала. Чем я так прогневал их? в чём провинился? В том ли, что умнее их всех? Или в том, что держусь всегда в стороне от остальных, когда Учитель наставляет их на путь истины и добра? Что смел и независим? И ярость Наона, быть может, вызвана тем, что видит во мне он соперника, даже боится меня? Тогда и он трус – тоже!

Вы! стадо трусливых баранов! Найдётся ли среди вас хоть один, кто был бы предан Учителю так же страстно, как старый, всеми презираемый Адус! И знаете ли вы, что Учитель оказал мне особую честь, дважды избрав меня: в первый раз – вместе с вами, как одного из Двенадцати, и второй раз – вчера, вечером, во время трапезы, когда сказал мне: «Что делаешь, делай скорее»!

Вправе ли я был послушаться?!»

Так размышлял Адус, стоя на пороге своей хижины. Тень Вифокура давно уже не преследовала его.

Часы на Башне Наместника пробили девять.

4.

Последний удар часов...

Огненный столб взметнулся ввысь – там, на Лобном месте – и лужею кровавою растёкся по чёрным небесам. Хрустнула земля, словно скорлупа раздавленного яйца, поползли по её измождённому телу гигантские трещины, из бездны разломов пахнуло вдруг жаром преисподней. Твердь земная раздалась, всколыхнулась, встала на дыбы, низринулась во тьму недр. В отчаянии бросались в бездну объятые безумием люди, одни – с мольбой о помощи, другие – с проклятиями Богу на устах. Паника охватила Священный Город.

Храм, что в самом центре Города, содрогнулся в предсмертной агонии, глубокая трещина пронзила фасад его до основания – но не рухнул он, остался незыблем, лишь гримаса уродливая исказила его величественный лик.

Разверзлись могилы, склепы, гробницы, потянулись по пыльным улицам Священного Города мертвецов нестройные толпы. Свежие, недавно погребённые, тлению ещё не подверженные, и те, от которых лишь одни остались скелеты – шли они, глухо бормоча, поскрипывая слежавшимися костями, к Храму. Влекла их вперёд неведомая сила, лица – или то, что осталось от лиц – были невозмутимо-спокойны, ни единой тени тревоги не мелькало в их

мёртвых, невидящих взорах. И каким чудовищным диссонансом казались те немногие из горожан, доведённые до иступления, ослеплённые ужасом, потерявшие рассудок, что по воле случая оказались в стане мёртвых! Страхом гонимые, метались, метались, метались они по бесчисленным улицам, словно замкнутые в бесконечный лабиринт, мертвецов сшибая с ног и в прах рассыпая скелеты, но вырваться из этого ада, из недр земли исторгнутого, уже не могли. Порой кто-то падал, смертельной тоской объятый, – и умирал, но тут, же вставал и молча шёл вперёд, влекомый сотнями и тысячами восставших из могил сомнамбул, – уже мёртвый.

Сеть бездонных трещин, подобно безобразной паутине морщин, Священный изрезала Город – и далеко за его пределы простёрлась, теряясь где-то во мраке пустыни. Гул несмолкаемый стоял над грешной землей, глухие подземные удары сливались с воем и воплями обречённых людей – мир вывернулся наизнанку и стал преисподней.

Площадь перед Храмом постепенно заполнялась – мертвецами, высшею волей влекомыми, и живыми, влекомыми нескончаемым потоком мёртвых. Взоры их обращены были к Святилищу, к Алтарю: ждали они – чего? Чуда? знамения? воскрешения? Было от них сие сокрыто.

Самый мощный толчок потряс несчастный Город, и вот Храм, рваной обезображенный трещиной, не выдержал натиска слепой стихии. Медленно, сохраняя величественность, распался он на каменные глыбы, которые, так же медленно, плавно, словно паря в воздухе, повисли над площадью и – вниз рухнули, на головы людей, воедино смешав плоть мёртвую и плоть живую. Предсмертные вопли немногих живых утонули в хрусте ломаемых скелетов. Тучи пыли и песка взметнулись над городом и окутали его завесой плотной, непроницаемой.

И вдруг всё смолкло. Трещины сомкнулись, землю перестало лихорадить, подземные удары прекратились – апатия и безразличие к земным делам овладели стихией. До жути стало тихо.

Погребённые под останками Храма, мертвецы медленно поднимались, выбирались из-под каменных обломков, шарили слепо по земле, подбирая кости свои, и уползали прочь, туда, откуда пришли, – в могилы.

Всё вернулось на круги своя.

5.

– Это конец, братья! Это конец! – метался из угла в угол Зарох, один из Двенадцати.

В полутёмном помещении, освещённом единственной свечой, смутно выделялись силуэты учеников; здесь, в доме одного из друзей Учителя, в этот поздний час собрались все – не было лишь Адуса, Наона и Вифокура. Каждый старался сидеть в тени, в тёмном углу, скрывая своё лицо. Середина комнаты, таким образом, оказалась пуста, и лишь Алкомор, могучий Алкомор, Первый из Двенадцати, отважился занять место у свечи, неверные блики которой вырывали из полумрака то одного, то другого из учеников.

Зарох замер напротив Алкомора. Отчаяние и растерянность застыли в глазах его.

– Что же ты молчишь, Алкомор? – громким шёпотом произнес он. – Или тебе нечего сказать?

Взгляд Алкомора, тусклый, беспомощный, скрестился со взглядом бывшего собирателя податей.

– Что ты ждёшь от меня, брат? – произнёс Алкомор чуть слышно. – Или я не один из вас?

– Хорош, нечего оказать! – проворчал Близнец. – Правая рука Учителя! Ха! – Презрительная усмешка исказила его лицо.

– А чем лучше ты, Близнец? – вступился за старшего брата Олет. – Что сделал ты, дабы отвратить беду от Учителя? Или ты, подобно Алкомору, встал на его защиту?

– Невелика отвага – отсечь ухо рабу! – отозвался Близнец, ещё дальше прячась в тень.

– Хватит! – прервал их спор Зарох. – Сведение счётов ведёт лишь к ссоре. Все мы хороши...

– Ну нет, – зло процедил Близнец, – меня ты с собой не равняй. Не ты ли был лакеем у жрецов, ещё до встречи с Учителем? Кто знает, не остался ли ты им и поныне...

– Ты в каждом видишь врага. Так нельзя, брат. Подозрительность твоя переходит все границы.

– Но я ведь оказался прав! – Близнец вскочил на ноги. – Вспомни Адуса, Зарох! А ведь он тоже был одним из нас.

Шумно поднялся Алкомор.

– Давайте прекратим этот никчемный разговор, – сказал он, и в помещении сразу же воцарилась тишина. – Нам грозит опасность...

– Вот именно, того и гляди нас схватят и предадут суду жрецов, – проворчал Близнец.

– Помолчи, брат, – грозно произнёс Алкомор и поднял руку. – Нам грозит опасность, – продолжал он, – и спасти нас от гнева властей может только одно...

Все затаили дыхание.

– Что же? – не вытерпел Теразар, брат Наона.

– Мы должны покинуть эти места.

Вздых облегчения пронёсся в воздухе: Алкомор выразил общую мысль, которую каждый из них вслух произнести не решался, боясь, что сочтут его за труса. Но слова были сказаны, и каждый теперь считал долгом своим выказать возмущение ими.

– Что? Священный покинуть Город? Но это бегство! – воскликнул Левиан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mihaylov_sergey/iskuplenie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)